

Алексей Рецкий

ПРОСТЕРТЫЕ РУКИ

Я был таким сгустком злости, мешаниной из боли и ярости, что перестал что-либо чувствовать. Должно быть, слишком сильно прикусил губу — окропил-таки перила. Что угодно, лишь бы заглушить разраставшееся во мне чувство. Что угодно... И ударил по стене с такой силой, что руку ошпарило.

Солнце.

То же самое теплое солнце, что и несколько минут назад.

Легкий ветер.

Он загребает пятерней волосы, развеивает подол моей мятой рубашки.

Подхваченный дуновением ветра, пикирует вниз бурый дрозд и начинает свою песню.

Звук жизни.

Тогда в него не верилось; казалось, пока я был в доме, все заставили декорациями. Картонные деревья, покрашенное небо, люминесцентное солнце. Точь-в-точь — но не то.

Дрожащая рука по привычке потянулась за сигаретой. С «зиповского» колесика вновь соскользнул палец. Я замер; она была бы против. словно живое, возникло ее исхудавшее лицо перед глазами.

Не выдержав безответного взгляда, я отбросил пачку. Сев на ступени, обнял колени, уставился на сгорбленную яблоню. И спросил себя: «Почему?!»

Я сдался.

Тело обмякло. И сдались глаза...

Звук мчавшейся машины становился все громче.

Я машинально попытался привести себя в порядок: встал, высморгался, вытер лицо об рукав. Тонкая красная полоса проступила на синем манжете.

Не зная, зачем, подобрал и положил обратно в карман распотрошенную пачку сигарет. Поднял глаза — и увидел ее.

У нее был растерянный, бегающий взгляд — такой же, как после неуклюжей попытки объяснить ей, что взрослые иногда расстаются, и это нормально.

Порванные на голени колготки, мятый деловой костюм, хаотичные движения — она бросилась ко мне, уже зная, что я скажу.

— Где? — задрожали ее губы.

— В кровати.

Она сорвалась с места и исчезла за дверью.

Я остался.

Надо было бы пойти с ней, утешить, быть напоминанием о жизни в мертвой комнате. Надо было; но я не мог снова видеть этот застывший взгляд.

Время остановилось.

Вязкие, бесформенные воспоминания заполняли горящую голову. Первый побег из дому, еще ребенком, и бесславное возвращение на следующий день. Гитарный бой, заглушающий надрывные тирады. Побег последний, поставивший, как тогда казалось, жирную точку и ознаменовавший новую жизнь.

Диагноз.

Воспоминания посыпались, словно домино. Не в силах думать, я ходил в оцепенении вокруг постаревшего дома, с трудом вдыхая потяжелевший воздух.

Люминесцентное солнце скрылось за облаками.

Делая очередной круг, я застал Нику там же, где сломался и я. По ее бледному лицу текли черные слезы.

Я инстинктивно обнял ее.

Теплое тело, голова, бессильно прижатая к моему плечу — это давно забытое чувство... Она казалась неестественно живой в моих руках.

— Мы должны вызвать скорую, — прошептал я. Мой голос чуть было не сорвался...

Ника не ответила, лишь дернулась и тут же отвернулась, вытирая лицо.

Как и я, она пыталась набраться мужества и обуздать эмоции. Как всегда, у нее не получалось.

— Вызывай.

Я достал телефон. Взгляд на мгновение упал на четыре красные буквы, не находивших себе места на экране. Мать. Глухим эхом раздался ее голос в пустой черепной коробке.

Никогда.

Больше никогда.

Выдохнув, я набрал номер «скорой» и сообщил адрес.

— Она так мало радовалась... — выдавила из себя Ника, когда я убрал телефон. — Все думали, она вечно недовольна чем-то... Да и ты тоже... Но знаешь, когда я звонила и рассказывала какие-то истории, глупые истории — она всегда пыталась спросить про тебя!.. Так, будто невзначай, как она спрашивала про оценки в школе, помнишь? Ей все было так интересно, боже!

Ника, дрожа, опять уткнулась в мое плечо.

Обвинение, намеренное или нет, повисло в воздухе.

Я тоже мог бы многое сказать в ответ. Вспомнить упреки, угрозы, шантаж и мольбы. Но даже мысль о них казалась мне преступной.

Ветер усилился.

Невдалеке послышался шум работающего мотора.

Я неуверенно встал со ступенек и посмотрел за забор, ожидая увидеть скорую; вместо нее из-за угла выскочила старая иномарка и резко остановилась перед участком.

Двигатель стих, из открывшейся двери показалось тело: необъятное, оно повернулось к дому лицом и, увидев меня, помахало. Только тогда я понял, что это женщина. Заметив мое промедление, она замахала настойчивее, неловко привставая на носки и покачиваясь на ветру.

Будто в трансе, я спустился к ней.

— Вы Долгополов Андрей Русланович?

— Да.

— Примите мои соболезнования, Андрей Русланович. — Лицо ее сморщилось в попытке изобразить горе. — Меня зовут Марго, я из агентства ритуальных услуг «Светлый Путь». Вот мои документы. — Она со скорбным видом ткнула в меня какими-то бумагами и пояснила: — Я здесь, чтобы помочь вам с похоронами.

Марго, эта двухсоткилограммовая туша, смотрела на меня такими ясно-голубыми глазами, что на секунду происходящее показалось недоразумением.

— Вас предупредил диспетчер скорой, да? — высказал я смутную догадку.

— Мы узнаем первые, чтобы максимально облегчить вашу участь, — ответила Марго. Так вежливо. Так учтиво...

— А скорая?...

Ответ я получить не успел. Во второй раз на улицу проник звук двигателя, с каждой секундой становясь все ближе и ближе. Наконец, из-за угла вырулила старая «лада» и, не доезжая до нас несколько метров, резко затормозила. Двигатель ее надрывался, словно в последний раз.

— Андрей Русланович? — загремел бас из распахнувшейся двери.

Я не ответил, в замешательстве уставившись на незваного гостя. Бритоголовый, небритый, облаченный в кожаную куртку шкаф испытующе смотрел на меня и Марго. По телу пробежал холодок. Гость перешел в решительное наступление.

— Примите мои соболезнования, Андрей Русланович, меня зовут Михаил, и я работаю в «Добром Дне», ритуальные услуги. Вот мои документы.

Он протянул очередные бумажки — такие же, что и Марго.

— Андрей Русланович, — продолжил Михаил, с трудом подбирая слова. — Вы не верьте тому, что эта женщина вам наговорила. Она — известная мошенница.

— Не слушайте, мошенник здесь он! — завизжала Марго в ответ.

— Она приезжает пораньше, взвинчивает цены...

— Сейчас наплетет вам такого, чего в жизни не исполнит!..

— Андрей Русланович, у меня большой опыт и все необходимые бумаги...

— У меня все бумаги, у него — подделка!

— Хватит!

Фигуры замерли.

Я словно очнулся. Посмотрев в их стеклянные, хищно оценивающие меня глаза, я почувствовал, как вскипает кровь в жилах. Еще немного, и руки бы не сдержались, сами схватили бы их...

— Больше никто не приедет? — сухо спросил я.

Они удивленно переглянулись между собой, не поняв вопроса.

— Если кто и приедет, так очередной мошенник, как эта женщина! — уточнил на всякий случай бритоголовый.

Марго, чуть было не завизжав в ответ, осеклась, застыв с приоткрытым ртом; с участка послышался голос.

— Андрей, кто там?

Еле заметно дернулись уголки их губ вверх и тут же, обремененные фальшивым сочувствием, упали вниз. Оба поняли: не дамся я, смогут взяться за нее.

Действовать надо было первым.

— Из ритуальных услуг приехали! — крикнул я Нике и, взглядом пригласив Марго, захлопнул дверь перед кожаной курткой.

Из двух зол выбирают меньшее.

— Примите мои соболезнования, — заговорила она, поравнявшись с сестрой. — Уверяю вас, мы все сделаем, чтобы похороны вам никаких хлопот не доставили. Достойно и недорого. А сейчас вам нужно скорую дождаться, заявление для полиции составить, найти понятых... Но не волнуйтесь, я всем этим займусь.

Марго замолчала, выжидающе посмотрев на Нику. Та, опомнившись, растерянно захлопала глазами:

— Простите... А как вы в вашем положении работаете?

— В моем положении? — Глаза Марго округлились.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, пока Ника не залилась краской и не посмотрела в пол.

— Я понимаю, как вам тяжело, — проглотила обиду Марго. — Но хочу вас заверить, что все будет выполнено быстро и достойно.

Повисла тишина, прерываемая набирающими силу порывами ветра. Зашумели деревья, попадали редкие яблоки. Ника погрузилась в свои мысли. Тяжело дыша, Марго достала телефон и начала читать сообщение.

Толстые пальцы держали последний «айфон» в розовом чехле. Над динамиком торчали резиновые ушки.

— И давно вы так работаете? — прервал я молчание.

— Чуть меньше года. Тяжелая работа, но кто-то должен, — на заплывшем лице обозначилось подобие страдания.

— Тяжелая?

— Я почти не сплю, — пояснила Марго, — поступает звонок — все, тут же в машину и на выезд. А ведь звонят не только мне, но и этим пи... прохвостам. И когда приезжаешь на место, никогда не знаешь, как все обернется. Могут шины проколоть, могут глаз. Но мне то, что я женщина, помогает — руку все-таки поднимать бояться. А вот мужикам несладко бывает. Постоять за себя приходится. — И, опомнившись, поменяла тон: — Но не все так плохо. И курьезы бывают. Знаете, работа такая: и смех, и грех. Вот приехали однажды на вызов, а умерший, ну, грузным мужиком оказался. Делать нечего, надо его как-то в «скорую» помещать. А он еще и на этаже то ли шестом, то ли седьмом был. Берут его мальчишки, с трудом доносят до лест-

ничной, а там понимают, что дальше нести сил нет. И решают его на лифте спустить. Поместили туда, а сами отвлеклись на секунду. Вдруг двери закрываются — кто-то лифт вызвал. Они — бегом вниз, перехватить. Спускаются — и слышат женский вопль. Ну, они еще быстрее. И вот, на первом этаже, картина: женщина лежит на полу, вокруг нее — рассыпанные продукты, а на ней — этот мужик, из лифта выпавший!

Она, чуть было не рассмеявшись, осеклась. Ника, до этого внимательно слушавшая, отвернулась. Я промолчал.

Птицы кружились над деревянным домом.

2

Я заглушил двигатель и вышел из машины. За мною, облаченная во все черное, последовала Ника.

— Куда теперь? — тихо спросила она. Не обронив ни слова в дороге, Ника не решалась сразу говорить в полный голос.

— Их здание за воротами, — объяснил я. — Вообще это институт какой-то, но тут и морг, и похоронное...

Она кивнула и посмотрела за забор. По обе стороны дороги, ведущей к некрепкому кирпичному дому, раскинулся неухоженный, посеревший сад. Перед ним, накрытый листвой сторбившегося вяза, был воздвигнут крохотный памятник героям войны. У него, лениво болтая, курили студенты.

За редкими облаками скрылось солнце.

Сохраняя молчание, мы двинулись по дороге. Ника робко смотрела по сторонам. Для нее все было необычным, даже пугающим; казалось, она впервые за долгое время покинула стены своего дома только для того, чтобы обнаружить за порогом изменившийся мир.

Возможно, так и было. Пока я ездил по всей Москве, покупая цветы, чтобы проводить в последний путь, и получая бумаги, этот путь подтверждающие, она закрылась в своей новой квартире, и лишь изредка, внезапными звонками и рассеянными советами, давала о себе знать.

Ника переживала тот день снова и снова. Я лишился эмоций после того, как заплатил патологоанатому.

Хотелось только одного: оставить все эту гребаную бюрократию позади и проститься по-человечески.

Молча пройдя сквозь сквер, мы остановились у памятника.

— Марго скоро будет? — спросила Ника.

Я пожал плечами и достал сигарету.

— Должна быть скоро.

Затянувшись, я посмотрел на Нику. Она на дух не переносила сигареты; ворчала, размахивала руками, если я закуривал рядом с ней. Сейчас же она не шевельнулась: стояла, обеими руками держа скромный букет, и смотрела на старый вяз.

Студенты возле нас говорили так громко и увлеченно, что можно было слышать отдельные фразы: ...флюшка... судмед... мясо... Один из них с горящими глазами объяснял что-то другу, сотрясая рукой воздух:

— Я подумал еще: вот среда, значит, середина дня. Погода хорошая. А человек, которого мы смотреть будем, он же живой еще! Понимаешь? Живой. У него жизнь кипит, работа, свои проблемы какие-то. И умирать явно не собирается. Я же, на другом конце Москвы, на флюорографию должен ехать, чтобы через несколько дней на его тело смотреть. А он и знать не знает. Даже предположить не может!..

Я с опаской посмотрел на Нику, но, к счастью, она ничего не услышала; так и стояла, застыв, присутствуя в мире лишь телом.

— Простите, задержалась, — раздался знакомый голос. Тяжело дыша, к нам бежала Марго в ядовито-зеленой кофте. — Су... Спустили колеса на машине, пришлось такси вызывать.

— Спустили колеса? — не поняла Ника.

— Да, ну, прокололи, понимаете, — не останавливаясь, Марго миновала нас и поманила рукой, — только что вызов был, так я приезжаю, выхожу из машины — а возвращаюсь, и все машина, не едет. Я своему другу звоню, тоже на районе работает, ну, чтобы он за мной приехал, подобрал. А его, оказывается, подкараулили и отмуд... отмузулили, когда не ждал. Вот сейчас в больнице лежит. А я помню, что мы договорились, ну, машину оставила, такси вызвала и сразу к вам.

— Ужас, — обронила Ника, еле поспевая за Марго.

Мы свернули с дороги и, срезав путь по протоптанной земле, оказались у длинного, похожего на гараж здания. Все двери, кроме одной, были заперты; единственная открытая вела в магазин ритуальных товаров: венков, надгробий, крестов... Некоторые были видны через проем.

У входа стоял грязный рекламный щит: «Похоронное бюро. ООО Люкс Ритуал».

— У вас все готово? — уточнил я.

— Да-да, конечно, — закивала она так, что затряслись оба ее подбородка. — Сейчас все проверю, — с этими словами она, взглянув на телефон в руке, скрылась за дверь.

Я вновь остался наедине с Никой. Она, переминаясь с ноги на ногу, выглядела беспомощно: белая, пожелтевшие глаза, удушающий крестик на шее...

Наверное, впервые в жизни мне стало ее жаль. Это странное, острое, неуклюжее тело, будто неряшливой аппликацией было вклеено в этот мир. Ника была лишней; и сейчас, кажется, она начала это осознавать.

Думала ли она, что когда-нибудь этот день настанет? Предполагала ли, что после него придется жить?

В детстве ей подарили целый мир. Ника смиренно поверила в него, жила по его законам, закрывшись от всего, что могло пошатнуть его устои. И он имел цель, смысл — пока жив был человек, для нее этот мир создавший.

Теперь этого человека не стало.

Я никогда не мог понять Нику; не мог и не хотел. Презирал ее за покорность, розовые очки и отсутствие воли. Называл это ограниченностью. Бежал от нее, от матери, их искусственного мира...

В тот день все поменялось. Привычные мысли стали чужими; мир оказался беззащитным.

— Андрей Русланович, — высунулась Марго из раннее запертой двери, — подойдите, пожалуйста.

Я взглянул на Нику: та вновь ушла в себя, стеклянным взглядом осматривая стену магазина. С нее печально смотрели на нас два деревянных Иисуса: маленький и средний. Второй был на триста рублей дороже.

Не решившись ее тревожить, я вошел в приоткрытую дверь.

Гараж оказался просторной, тускло освещенной комнатой. На свежеекрашенных черных стенах приглушенным светом горели бра. Посреди зала, напротив ворот, стоял открытый гроб.

Меня пробрал холод.

Вот она. В последний раз. В старом гараже на краю Москвы. Рядом с сыном, отбросившим все, что она пыталась вложить.

Марго со скрипом облокотилась об стену, выведя меня из транса. Я осторожно ступил вперед, боясь издать лишний звук. С каждым шагом все сильнее звенела в ушах тишина.

Я приблизился к гробу и застыл, не в силах отвести взгляда от тела.

Безжизненная восковая скульптура. Гладкие руки, потерявшие все признаки возраста и больше похожие на покрытое белым лаком дерево. Нарумяненные щеки, будто розовый мрамор. Глянцевая лента икон на гладком бездвижном лбу. Платок, скрывавший некогда пышные волосы.

Ледяная маска, потерявшая все человеческое.

«Это не она! — хотел крикнуть я. — Вы все перепутали!» В оцепенении я смотрел на тело, заставляя себя смотреть, пытаюсь найти хоть что-то знакомое под этим дешевым гримом.

— Она, — сказал я Марго, не веря своим словам.

Легким кивком, полным фальшивого сочувствия, она пригласила меня на улицу. В ушах звенело. Может, я все же ошибся? Может, действительно передо мной чуждое тело, а родное хранится где-то далеко, в очередном гараже, подвале, дожидаясь совершенно других людей? Может, его уже предъявили кому-то, и те, так же испугавшись незнакомого лица, предпочли быстрее закрыть гроб и оставить его на двухметровой глубине?..

От этих мыслей становилось дурно; быстрым, семенящим шагом я вышел на улицу.

— Вы подождите, пожалуйста, — остановившись в дверях, сказала Марго, — мы вас сейчас вместе пригласим.

С этим она закрыла дверь, вновь оставив нас с Никой вдвоем.

Как долго я отсутствовал? Несколько минут? Обманчиво-ласковое солнце показалось из-за ватных облаков, осветив безжизненный пейзаж. Мир — он был таким же, что и раньше, но глаза смотрели по-другому: они фиксировали каждый камешек, каждый грязный окурочек, каждый корень, выбивавшийся из-под земли. Я видел, видел яснее, чем когда-либо. И оттого — не воспринимал.

— Ты не пугайся, когда зайдешь, — сказал я Нике, — но она выглядит совсем по-другому.

Она посмотрела на меня так, что я понял: никакие слова ей не помогут.

— Но они сделали так, как обещали?

Шуршала на легком ветру трава, неподалеку мерно качались дымящие грузчики. Вдалеке слышались голоса, с каждой секундой становясь все ближе. Мир изображал жизнь — но я видел его насквозь.

— Да. — кивнул я. — Как обещали.

На парковку перед гаражом гурьбой вывалились студенты, продолжая оживленно говорить и перекрикивать друг друга. Молодой парень, с приоткрытым ртом жуя жвачку, снисходительно смотрел по сторонам. Кто-то, закрывая одно ухо и хмуря брови, пытался говорить в наушник. С телефоном на вытянутой руке вела трансляцию единственная девушка.

— Как они могут быть так спокойны? — спросила Ника, крепче сжимая букет. — Как?..

Один из студентов, выделившись из толпы, крикнул что-то остальным, и через несколько секунд все скучковались вокруг него, толкаясь и перешучиваясь. Девушка, сделав полшага вперед, наклонила голову и телефон, стараясь поместить всех в кадр.

За их спинами, опираясь на стену гаража, стоял крест для материнского надгробия.

Я смотрел на их молодые беззаботные лица, на их не отягощенные будущей профессией улыбки, и не верил своим глазам. Я думал, что не удержусь и вмешаюсь, разобью телефон о потрескавшийся асфальт, прогоню их...

Нет. С легким презрением я наблюдал их попытки найти лучший кадр. Все для меня было одинаковым: жизнерадостные студенты и ленивые грузчики поодаль, безразличное солнце и желто-зеленая трава под ним... Все было абсурдным в своей праздности.

Со скрежетом открылись двери гаража. От неожиданности Ника вздрогнула и, простояв несколько секунд в нерешительности, сделала первый шаг.

Солнечные лучи, проникая в этот импровизированный склеп, не доставали до гроба; тот был отодвинут от дверей, погруженный в давящий полумрак. Теперь я, наконец, понял весь смысл этой дешевой поделки: стены должны были давить на человека, питать его печаль и помогать проститься. Но от мира снаружи было не сбежать, и он отражался в каждом пятнышке дешевой черной краски.

Ника с трудом приблизилась к гробу и замерла, увидев ледяное лицо. Глаза дали волю слезам; еле дыша, она склонилась над телом.

Вязкая тишина состояла из плача и неразборчивых разговоров за стеной, звучащих, как шаманское причитание.

— Прости меня, — разрушила она тишину. — Прости, — повторяла она вновь и вновь, склонившись над холодной головой. — За все, — слезы падали на дрожащие руки.

Я вздрогнул. Пальцы заледенели. Я смотрел на тело и не видел матери; Ника же *чувствовала* ее. Разбитая, сломленная, она смогла проститься — а я не мог даже приблизиться к гробу.

«Прости»...

Ника отошла от тела, так и не решившись к нему прикоснуться. Я взял ее руку, и она безвольно загорелась в моей.

— Простились? — спросил грузчик в грязном синем комбинезоне, появившись в дверях.

Я посмотрел на Нику. Она кивнула.

Мужчина медленно подошел к гробу с другой стороны и, окинув его равнодушным взглядом, достал из кармана иконку.

— Вы вложите?

Ника промолчала. Это было ее желание соблюсти все полагающиеся обряды в первый и последний раз, но у нее не было ни сил, ни мужества коснуться тела, когда-то хранившее мать.

Мужчина, не дождавшись ответа, начал разгибать белые пальцы. Они не сразу поддались, и некоторое время он стоял над руками, пытаясь закрепить иконку. Справившись с этим, он посыпал что-то на тело и поправил глянцевою ленту на голове.

— Закрываем?

Моя рука теплела в руке Ники. Полвека жизни, погребенные под мишурой, сведенные к разукрашенному телу в Богом забытом гараже. И даже то, что осталось, должно было исчезнуть навсегда.

— Да, — ответил я.

Крышка гроба захлопнулась. Повернулись ключи. К воротам подъехала машина, и выскочившие из дверей грузчики подняли гроб и понесли его к выходу. А мы стояли на месте, и руки горели.

— Она всегда говорила, что нужно уметь терпеть, — сдавленно произнесла Ника.

— И никогда не умела сама, — горько усмехнулся я.

— Ты просто не замечал.

В грязную «газель» запрыгнул последний рабочий. Марго, стоя рядом с водителем, оживленно говорила по телефону. По синему

небу расписались взлетающим самолетом. А я лишь сжимал ее далекую, непривычную, неестественную, но такую близкую, знакомую, теплую руку...

— Надо ехать на кладбище, — наконец сказал я.

Водителю дали отмашку, и двери «газели» захлопнулись. Загудел двигатель.

— Надо.

Мы вышли из гаража, и солнце холодными лучами ослепило глаза.

Студенты, устав говорить, молча смотрели в свои телефоны. Кто-то, скрывшись за деревьями у забора, то и дело стыдливо поглядывал за спину.

Марго, увидев понурюю пару, засеменяла навстречу.

А посреди всего — полвека жизни, держащиеся за руки.

